

Николай Михайлович Карамзин

**Известие о Марфе-посаднице,
взятое из жития св.
Зосимы**

Николай Михайлович Карамзин

Известие о Марфе-посаднице, взятое из жития св. Зосимы

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2977925*

Аннотация

«...Женщины во все времена и во всех землях жили более для семейственного счастья, нежели для славы: мудрено ли, что их имена редки в истории? Чем ближе народ к простоте естественной, тем менее влияния имеют они на политическую судьбу его. Не одно воспитание определяет скромную жизнь их: сама природа хотела того, дав им нежное сердце, чувствительные нервы, робость, стыдливость и болезни. Мы видим цель ее: кому-нибудь надлежало поручить воспитание и хранение младенцев. Однако ж природа любит иногда чрезвычайности, отходит от своего обыкновенного закона и дает женщинам характеры, которые выводят их из домашней неизвестности на театр народный...»

Содержание

Комментарии

Николай Михайлович Карамзин Известие о Марфе- посаднице, взятое из жития св. Зосимы

Женщины во все времена и во всех землях жили более для семейственного счастья, нежели для славы: мудрено ли, что их имена редки в истории? Чем ближе народ к простоте естественной, тем менее влияния имеют они на политическую судьбу его. Не одно воспитание определяет скромную жизнь их: сама природа хотела того, дав им нежное сердце, чувствительные нервы, робость, стыдливость и болезни. Мы видим цель ее: кому-нибудь надлежало поручить воспитание и хранение младенцев. Однако ж природа любит иногда чрезвычайности, отходит от своего обыкновенного закона и дает женщинам характеры, которые выводят их из домашней неизвестности на театр народный, не только в странах просвещенных, где искусство во многом изменяет натуру, но и в самом почти диком состоянии людей. Таким образом и *старая Русь* являет нам примеры некоторых славных женщин — весьма немногих, но потому еще более достойных внимания нашего.

И без сказки, напечатанной в «Вестнике Европы», все мы знали, что Марфа-посадница была чрезвычайная, редкая женщина,^[1] умев присвоить себе власть над гражданами в такой республике, где женщин только любили, а не слушались. Если бы современные летописцы разумели, что такое история и что важно в ней для потомства, то они, конечно, постарались бы собрать для нас все возможные известия о Марфе; но не их дело было ценить характеры. В сказках, в песнях и в преданиях осталось более следов ее, нежели в летописях. Тем любопытнее показалось нам в «Житии св. Зосимы» следующее известие о Посаднице, которое выписываем здесь для читателей.

Обширные владения новгородские простирались на север до реки Двины и Белого моря. Бояре и вельможи сей республики имели знатные поместья в нынешней Архангельской губернии. Люди их часто бывали для рыбной ловли на острове Соловецком и наглым образом оскорбляли монахов тамошней новой обители.

Зосима, начальник ее, приехал в Новгород и требовал защиты от Феофила. Ответ сего архиепископа достоин примечания, изъявляя великое уважение духовных властей к тогдашнему, новгородскому правительству: «Я готов помогать монастырю твоему, но не могу ничего сделать без воли бояр *начальных*», – и святой муж, без сомнения, узнав о могуществе Марфы, *великой боярыни града*, просил ее заступления. Она имела деревни в *земле Карельской*: рабы

ее, вместе с другими часто обижав соловецких монахов и боясь допустить Зосиму к строгой госпоже своей, оклеветали его перед нею, так что Марфа велела выгнать старца из дому: черта, которая не доказывает отменного ее христианского благочестия. Но бояре новгородские обошлись с ним ласковее, выслушали его справедливые жалобы, обещали покровительство Соловецкой обители и вывели Марфу из заблуждения насчет характера св. Зосимы. Сия пылкая женщина, устыдясь своей несправедливости, решила загладить ее блестящим образом – дала великолепный обед – пригласила знаменитейших бояр новгородских и Зосиму – встретила его с великими знаками уважения – посадила за столом в *первом месте*, угощала с ласкою и, желая превзойти щедростию всех бояр (которые одарили святого мужа богатыми церковными сосудами и ризами), отдала Соловецкому монастырю большую деревню на реке Суме. – Зосима получил от совета новгородского грамоту на *владение островом*, с приложением осьми оловянных печатей: архиепископской, посадничей, *тысященачальнической* и *пяти концов города*. Если сия грамота доныне сохранилась в архиве Соловецкого монастыря, то она должна быть драгоценна для историка России, который может найти в ней имена последних народных чиновников новгородских: ибо, скоро по возвращении угодника в Соловецкую обитель, князь Иван Васильевич объявил войну сей республике и навеки уничтожил ее. Чудеса не принадлежат к истории; однако ж упомянем здесь

о пророчестве св. Зосимы. Выгнанный в первый раз гордою Посадницею, он сказал ученикам своим: «Скоро, скоро сей дом опустеет и двор его зарастет травой!», что и в самом деле совершилось. Род Борецких погиб с республикою; дом Марфин опустел, – но донныне еще показывают в Новгороде место его¹. —

Оставляя Марфу, изъявим желание, чтобы когда-нибудь искусное перо изобразило нам *галерею россиянок*, знаменитых в истории или достойных сей чести. В рассуждении древности благоразумный автор ограничит себя Нестором и не вздумает начать – например – с Томирисы, скифской царицы, которая, если верить Геродоту и Диодору Сицилийскому, приковала к кресту несчастного Кира. Предки наши славяне были, конечно, скифского племени; но если дозволим себе восходить таким образом в истории народов, то доберемся наконец до Адама и должны будем говорить об Еве как о первой знаменитой россиянке. Нет, *галерея* наша открылась бы Ольгою и Гориславою; а средние времена представили бы нам изображение греческой княжны Софии, супруги князя Иоанна (которой Россия обязана первыми искрами просвещения²) – матери царя Ивана Василье-

---

¹ Другое чудо, описанное в житии сего угодника, заставляет думать, что князь Иван Васильевич *не простил* тогда знатных новгородцев, как говорят наши летописи. Св. Зосима, взглянув на шесть главных чиновников, вместе с ним обедавших у Марфы, увидел их, сидящих без голов. Автор жития прибавляет, что сии шесть чиновников были после *казнены* московским князем.

² С нею приехали из Италии многие ученые греки, которые остались в России.

вича, имевшей слабости, но весьма умной – первой супруги его, прекрасной и любезной Анастасии – Марии Годуновой, которой добродетель обуздывала иногда Бориса в жестокостях его подозрительного характера, – и трогательной, невинной Ксении. – Правда, что русские летописцы, в которых должно искать материалов для сих биографий, крайне скупы на подробности; однако ж ум внимательный, одаренный *историческою догадкою*, может дополнять недостатки соображением, подобно как ученый любитель древностей, разбирая на каком-нибудь монументе старую греческую надпись, по двум буквам угадывает третью, изглаженную временем, и не ошибается. – Новейшая русская история имеет также своих знаменитых женщин; наименуем из них Наталью Кирилловну, дочь бедного дворянина, и царицу России, и мать Петра Великого, в девическом уединенном тереме и в царских чертогах равно смиренную, кроткую, добродетельную, так что никакой микроскоп исторической строгости не открывает в ее жизни ни малейшего пятна, – Софию, почти великую, – умом славу россиянок, духом сестру Петрову, сердцем женщину, но любезную, – Екатерину I, по великодушному характеру достойную блестящей судьбы ее, чудесной и романической. Не знаю, позволит ли политика в наше время философу-историку свободно и торжественно судить царствования Анны и Елисаветы; но умный живописец-автор может в легких чертах представить их личные характеры с хорошей стороны и без лести. Должно

отличить сердце Анны от ее строгого правления: как женщина она была умна и добродушна (по рассказам наших отцов и всем известиям чужестранцев); как государыня – имела несчастье уважать Бирона³, но имела достоинство огорчаться его жестокостию. Имя Елисаветы напоминает – если не чрезвычайные, великие дела, то по крайней мере веселый двор и счастливое царствование, которое после бывших строгостей казалось весьма человеколюбивым. Россия на первых местах государственных увидела опять русских, снова слышала вокруг трона любезный язык свой, отдохнула и оживилась. При Елисавете родилась и торжествовала наша поэзия.^[2] Счастливая песня делала счастье стихотворца, и какая-то нежность была общим характером двора государыни мягкосердечной, не хотевшей наказывать смертию и самых злых преступников. Довольно для приятной картины! – Наконец, не на одном троне сочинитель должен искать лиц для исторических портретов: он вспомнит, например, сию графиню Головкину, которая добровольно променяла столицу на Сибирь и год жила в землянке с мертвым телом супруга. Такое геройство супружеской любви давно бы прославлено было в целом свете, если бы русские умели и любили хвалиться добродетелями русских. Одним словом, *галерея славных россиянок* может быть весьма приятным сочинением, если автор, имея талант и вкус, изобразит лица жи-

---

³ Патриотическая история рано или поздно воздаст ему по делам его. К счастью, он был не русский!

выми красками любви к женскому полу и к отечеству. Нужно ли сказывать, кому надлежало бы приписать такое сочинение *в наше время?*..

Комментарии

1.

И без сказки, напечатанной в «Вестнике Европы», все мы знали, что Марфа Посадница была чрезвычайная, редкая женщина... – Речь идет о повести самого Карамзина «Марфа Посадница», напечатанной в первых номерах «Вестника Европы» за 1803 год.

2.

При Елисавете родилась и торжествовала наша поэзия. – Елизавета царствовала с 1741 по 1761 год; в это двадцатилетие, развернулось поэтическое дарование Ломоносова, Сумарокова, Хераскова.